

Peculiarities of experiencing a midlife crisis in men taking part in military operations

L. G. Zhedunova¹, G. A. Serov²

¹K. D. Ushinsky Yaroslavl state pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation

²Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "Rostovsky", Rostov Veliky, Yaroslavl region, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-700-709

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a study aimed at studying the characteristics of midlife crisis experienced by men taking part in military operations. It has been found that a long stay in a combat zone changes a logic of crisis development, suspending or blocking the development of experiences in the direction of individuation. For combatants, in comparison with representatives of civilian professions, the need for identification with a group of their own becomes priority. The solution to the main task of this age period – the realization of generativity – becomes possible thanks to mentoring, support and care for those who are nearby. The authors emphasize the special importance of the time factor. In the context of military actions, subjectivity in the perception of the flow of time is especially evident in two polar strategies: full living (time as a container of life) and avoidance (killing time).

Keywords: midlife crisis; individuation; identification; generativity; military actions; men; experiences

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhedunova, Lyudmila G. | E-mail: lzhedunova@mail.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Serov, Gregory A. | E-mail: serov.grigory2016@yandex.ru

Особенности переживания кризиса среднего возраста мужчинами, принимающими участие в боевых действиях

Л. Г. Жедунова¹, Г. А. Серов²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

²ОМВД России «Ростовский». Ростов Великий, Ярославская область, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-4-700-709
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение особенностей переживания кризиса среднего возраста мужчинами, принимающими участие в боевых действиях. Выявлено, что длительное пребывание в зоне боевых действий изменяет логику развития кризиса, приостанавливая или блокируя разворачивание переживаний в «сторону индивидуации». Для участников боевых действий в сравнении с представителями гражданских профессий приоритетной становится потребность в идентификации с группой «своих». Решение основной задачи этого возрастного периода – реализации генеративности – становится возможным благодаря наставничеству, поддержке и заботе о тех, кто рядом. Авторы подчеркивают особое значение фактора времени. В условиях военных действий субъективность в восприятии течения времени проявляется особенно явно в двух полярных стратегиях: полном проживании (время как вместилище жизни) и избегании (убить время).

Ключевые слова: кризис середины жизни; индивидуация; идентификация; генеративность; боевые действия; мужчины; переживания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жедунова, Людмила	E-mail: lhedunova@mail.ru
Григорьевна	Доктор психологических наук, профессор
Серов, Григорий	E-mail: serov.grigory2016@yandex.ru
Александрович	Психолог ОМВД России «Ростовский»

Постановка проблемы исследования

Традиционно в психологии кризис середины жизни рассматривается в русле онтогенетической динамики. В этом контексте он является обязательным для развития зрелой личности и имеет временную локализацию

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

(соотносится с возрастом середины жизни). Детерминантами кризиса выступают внутренние закономерности и механизмы, имманентно присущие процессу развития личности. При этом дополнительные факторы (биологические, социокультурные, индивидуально-психологические) также оказывают влияние на протекание кризиса, облегчая или отягощая его [1].

По мнению многих исследователей этот кризис является узловой смысловой точкой на жизненном пути, так как актуализирует экзистенциальные вопросы и переживания относительно конечности жизни, ограниченности времени для реализации новых замыслов [2]. При этом в переживания вовлекаются все основные сферы жизнедеятельности. В настоящее время выделяют три основных направления исследований кризиса середины жизни. Первое направление: К. Г. Юнг, Э. Эриксон, Д. Ливехуд, В. Слободчиков, Б. Братусь, Е. Горбатова, Е. Солдатова, Е. Сапогова рассматривают его как нормативный кризис развития личности. Второе: Г. Крайг, А. Черников, И. Добряков – как нормативный кризис семейной системы, совпадающий с серединой жизни ее членов. Третье: Э. Зеер, Э. Сысманюк, Г. Крайг, Н. Иванова – как нормативный кризис профессиональной самоактуализации, приходящийся на период середины жизни. Независимо от того, на какой сфере жизнедеятельности фокусируются исследователи, психологическое содержание кризиса середины жизни обусловлено конфликтом идентификации и индивидуации [3], то есть конфликтом между потребностью соответствовать социальным ролевым ожиданиям (ценность социальных достижений) и потребностью в автономии. Ценность индивидуации в этот период становится более приоритетной.

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Эта широко известная и неоднократно цитируемая поэтическая метафора Данте Алигьери из «Божественной комедии» наиболее точно отражает основное содержание психологического состояния человека в период проживания среднего возраста, кризиса середины жизни. Главные вопросы, встающие перед человеком в это время – кто я? В чем мое предназначение? То, что я из себя представляю в настоящее время, это все, на что я способен? Ответы на эти вопросы требуют переориентации, переосмысления себя и своего жизненного пути. Интенсивность переживаний, возникающих в этот период, обусловлена внутренним душевным разладом, актуализацией потребности в переменах, изменении привычного устоявшегося образа жизни.

Тема исследования в данной работе – особенности переживания кризиса середины жизни мужчинами, принимающими участие в боевых действиях. Поскольку участие в боевых действиях является дополнительным экстремальным фактором, резко меняющим привычную жизнедеятельность, его влияние на переживание кризисного периода неизбежно.

Согласно данным военной психологии [4], индивид в зоне боевых действий сталкивается с формированием принципиально иной социальной ре-

альности. В этих условиях ценности индивидуалистического общества, характерные для мирной жизни (такие как приоритет личных потребностей, автономия выбора и эмоциональная сложность), замещаются жестко регламентированными паттернами взаимодействия. Доминирующими становятся иерархические отношения, отличающиеся высокой степенью директивности, однозначностью команд и строгим соблюдением субординации. В результате происходит резкое сокращение пространства личной свободы. Постоянное нервно-психическое напряжение и угроза гибели себя и товарищей обуславливают необходимость мобилизации адаптационных ресурсов личности. Психика перестраивается на военный лад. Мы полагаем, что пребывание в зоне боевых действий в качестве активного участника изменяет логику развития кризиса, приостанавливая или блокируя разворачивание переживаний в «сторону индивидуации». Смещается найденный баланс между традиционными социальными ожиданиями и индивидуальными стремлениями. Актуальность исследования обусловлена противоречием между практической потребностью в научно обоснованном понимании психологических процессов адаптации к мирной жизни и недостаточной разработанностью данной проблемы в современной научной литературе.

Цель исследования – выявить характер влияния участия в военных действиях на переживание кризиса середины жизни у мужчин.

Наша основная гипотеза состояла в предположении о том, что участие в боевых действиях оказывает неоднозначное влияние на переживание кризиса мужчинами среднего возраста.

Методическое обеспечение исследования. Метод семантического дифференциала (СД), разработанный под задачу исследования. Для исследования структуры переживаний, их организации и внутренней взаимосвязи нами был использован метод структурографического анализа А. В. Карпова.

Для исследования базисных убеждений использовалась Шкала базисных убеждений («World assumptions scale»), разработанная Р. Янофф-Булманом, а также методика «Источники смысла жизни» К. В. Карпинского.

Математическая обработка данных проводилась с помощью метода ранговой корреляции r -Спирмена для парных сравнений двух независимых групп, U -критерий Манна – Уитни. Данные обрабатывались с помощью программы Excel 7.0 и Statistics 6.1.

В исследовании приняли участие 41 человек (мужчины 37–50 лет), объединенные в две группы. Первая группа (20 человек – представители гражданских профессий). Вторая группа (21 человек – участники боевых действий).

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования изучалась субъективная семантика актуальных переживаний. Результаты представлены на рис. 1 и в табл. 1.

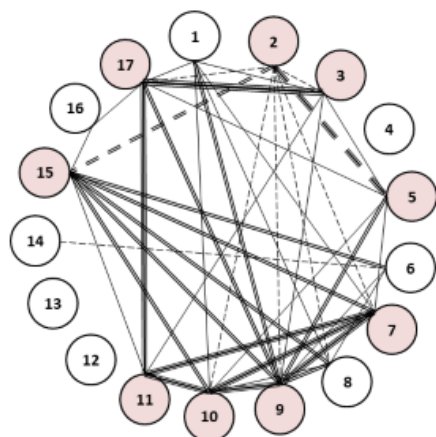
Таблица 1

Показатели функционирования психологических структур

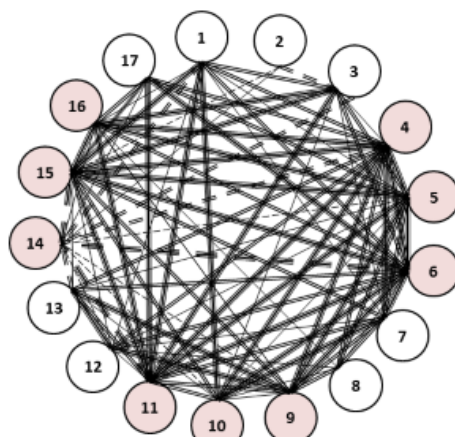
Показатели функционирования психологической структуры	Респонденты гражданских профессий и видов деятельности	Респонденты из силовых структур с высокой витальной угрозой
Интегрированность	117	354
Дифференцированность	24	52
Организованность	141	406
Средний вес элементов структуры	8,2	23,8
Базовые элементы структуры	Расширение способности контроля и влияния / Сужение способности контролировать и влиять на мир (2) Истощение внутренних ресурсов / Энергетический подъем (3) Отстраненность / Включенность (5) Самоуничтожение / Самоуважение (7) Пустота / Наполненность (9) Связанность, пути / Свобода самоопределения (10) Раздражительность / Доброжелательность (11) Необратимость упущенных возможностей и времени для достижения жизненно важных целей / Возможность для достижения жизненно важных целей, вера в способность их реализации (15) Потребность в уединении / Потребность в контактах (17)	Ранимость / Защищенность (4) Отстраненность / Включенность (5) Отчаяние / Надежда (6) Пустота / Наполненность (9) Связанность, пути / Свобода самоопределения (10) Раздражительность / Доброжелательность (11) Структурированность / Хаос (14) Необратимость упущенных возможностей и времени для достижения жизненно важных целей / Возможность для достижения жизненно важных целей, вера в способность их реализации (15) Потребность жить в иллюзиях / Принятие реальности (16)

Как видно из таблицы, показатели функционирования структуры переживаний группы 2 (участники военных действий) значительно превышают показатели группы 1 (участники гражданских профессий). Средний вес элементов структуры 2-й группы почти в 3 раза выше такового в группе 1-й. Ведущими переживаниями для участников 1-й группы являются: потребность в контактах (17), возможности достижения жизненно важных целей (15), доброжелательность (11), свобода самоопределения (10). Для участников группы 2 ведущими переживаниями являются: принятие реальности

(16), возможность достижения жизненно важных целей (15), структурированность (14), доброжелательность (11), связанность (10).

Респонденты гражданских профессий и видов деятельности

Респонденты из силовых структур с высокой витальной угрозой

Рис. 1 Структурограммы актуальных переживаний участников обеих групп

1 – Одиночество / Совместность, 2 – Расширение способности контроля и влияния / Сужение способности контролировать и влиять на мир, 3 – Истощение внутренних ресурсов / Энергетический подъем, 4 – Ранимость / Защищенность, 5 – Отстраненность / Включенность, 6 – Отчаяние / Надежда, 7 – Самоуничтожение / Самоуважение, 8 – Потеря способности выделять главное, опознавать, что сейчас важно / Сложившаяся, ясная система приоритетов и ценностей, 9 – Пустота / Наполненность, 10 – Связанность, пути / Свобода самоопределения, 11 – Раздражительность / Доброжелательность, 12 – Медленное течение времени / Ритмичность быстротечности времени, 13 – Обида / Терпимость, 14 – Структурированность / Хаос, 15 – Необратимость упущенных возможностей и времени для достижения жизненно важных целей / Возможность для достижения жизненно важных целей, вера в способность их реализации, 16 – Потребность жить в иллюзиях / Принятие реальности, 17 – Потребность в уединении / Потребность в контактах

На рис. 1 видно, что структура актуальных переживаний 2-й группы высоко интегрирована и организована, что свидетельствует о ее устойчивости и сильной связанности элементов. Актуализация одного переживания влечет за собой актуализацию других, и человек оказывается поглощенным переживаниями. Структурограмма 1-й группы более дифференцирована, обладает большей гибкостью и подвижностью. Актуализация одного элемента влечет за собой актуализацию 3-4 связанных с ним элементов.

Целью второго этапа исследования было выявление источников смысла жизни. Результаты представлены в табл. 2.

Данные частоты встречаемости ценностей — источников смысла жизни

Название ценностей	Частота встречаемости ценности		Название ценностей	Частота встречаемости ценности	
	1 группа	2 группа		1 группа	2 группа
Семья	16	18	Альтруизм	2	6
Любовь	13	5	Контроль	5	4
Познание	13	7	Духовность	5	5
Дети	10	14	Общение	2	6
Дружба	9	12	Компетентность	5	2
Счастье	12	2	Красота	4	2
Патриотизм	3	10	Развлечение	4	3
Здоровье	9	15	Образование	4	2
Природа	11	3	Правда	2	4
Свобода	11	5	Персонализация	2	4
Самореализация	9	7	Искусство	4	1
Саморазвитие	5	10	Аскетизм	4	1
Богатство	5	9	Признание	3	2
Карьера	7	8	Мир	3	1
Гедонизм	8	3	Власть	2	2
Безопасность	9	3	Выживание	2	2
Творчество	9	4	Религиозность	2	3
Процесс жизни	9	4	Общая активность	2	3
Справедливость	4	9	Судьба	2	0
Нравственность	8	7	Социальный статус	1	2
Гуманизм	6	6	Профессионализм	0	3
Хобби	7	4	Самосовершенствование	0	1
Секс	7	6	Учеба	0	1
Долг	1	7	Индивидуальность	6	5
Самоуважение	4	7			

Из таблицы видно, что в группе участников боевых действий, по сравнению с группой гражданских лиц, возрастает частота встречаемости таких ценностей, как «семья», «дети», «дружба», «здоровье», «патриотизм», «саморазвитие». В то время как в группе гражданских лиц преобладают «любовь», «познание», «счастье», «природа», «свобода», «безопасность», «творчество». Наиболее существенные различия наблюдаются в представленности таких ценностей, как «счастье», «любовь», «природа», «безопасность», «патриотизм» «долг». На наш взгляд, это свидетельствует о том, что опыт участия

в боевых действиях усиливает значимость для мужчины ценностей принадлежности к группе «своих», товарищей, связанных исполнением долга и защитой семьи и детей. Для мужчин гражданских профессий характерны ценности, связанные с индивидуальной жизнью.

Сходные тенденции отмечают военные психологи. Так, в частности М. М. Решетников пишет следующее: «Перед лицом постоянной угрозы жизни, нередко формируется психологическая атмосфера настоящей мужской дружбы, сплоченности, взаимовыручки и соблюдения воинской чести, которая в сочетании с риском и сильными эмоциями переживается, как чувство полноты жизни и значимости собственной личности» [5].

Цель третьего этапа исследования состояла в определении взаимосвязи базисных убеждений и актуальных переживаний участников исследования. С этой целью был проведен корреляционный анализ с использованием U-критерия Манна Уитни и построены корреляционные плеяды (рис. 2).

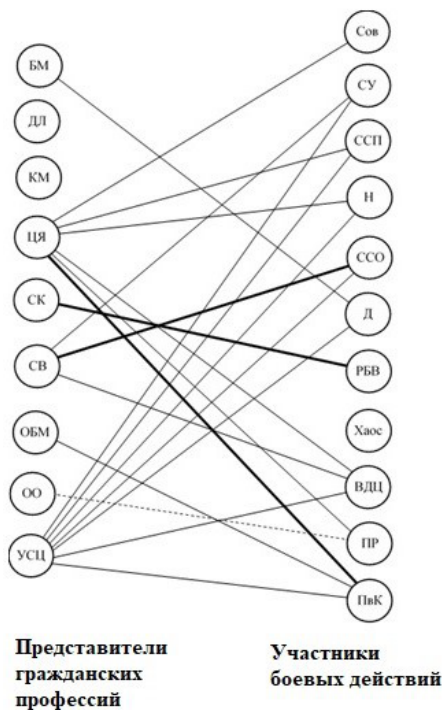

Рис. 2. Корреляционные плеяды: слева — представители гражданских профессий, справа — участники боевых действий

БМ – благосклонность мира, ДЛ – доброта людей, КМ – контролируемость мира, ЦЯ – ценность Я, СК – способность контроля, СВ – истощение внутренних ресурсов, ОБМ – общая благосклонность мира, ОО – общая осмысленность мира, УСЦ – убежденность в собственной ценности, Совм. – совместность, СУ – самоуважение, ССП – сложившаяся система приоритетов, Н – надежда, ССО – свобода самоопределения, Д – доброта, РБВ – ритмичность, быстротечность времени, ВДЦ – возможность достижения целей, ПР – принятие реальности, ПвК – потребность в контактах

Как видно, ключевым параметром для группы представителей гражданских профессий, образующим большое количество связей, выступает убежденность в собственной ценности. Оно взаимосвязано с самоуважением, со сложившейся системой приоритетов, с надеждой, свободой самоопределения, добротой, возможностью достижения целей и потребностью в контактах. Есть основания полагать, что для этой группы характерна убежденность в том, что осознание собственной ценности складывается из достаточно большого набора возможностей предъявления собственной индивидуальности, в том числе в межличностных отношениях. У участников боевых действий убежденность в собственной ценности взаимосвязана только с самоуважением, которое, в свою очередь, связано с контролируемостью мира и ценностью «Я», при этом эта взаимосвязь на высоком уровне значимости. Контролируемость мира связана с переживанием совместности и ритмичности времени.

Здесь представляется уместным остановиться на переживании времени, являющемся одним из центральных при переживании кризиса [6]. В кризисе время для человека меняет свою динамику и переживается либо как нечто монотонное и тягучее, либо ускоряется («жизнь пролетает мимо»). Экстремальная ситуация войны резко усиливает субъективность восприятия времени, ставит человека на «экзистенциальный рубеж» между жизнью и смертью. При этом могут отмечаться полярные тенденции по отношению к ценности времени, которые находят выражение как в его обесценивании и избегании («убить время»), так и максимально полном проживании, когда время воспринимается как «вместилище жизни». Актуализация на фоне постоянной угрозы смерти, потребности успеть прожить, сделать что-то значимое и «оставить след» детерминирует активное поведение, включенность в повседневность военной реальности и, как следствие, событийную насыщенность времени жизни [7–9]. Необходимо отметить, что мужчины среднего возраста в зоне боевых действий, в силу имеющегося житейского опыта и приобретенных навыков в различных сферах жизнедеятельности, часто оказываются в роли наставников для более молодых и менее опытных бойцов и становятся моральной опорой для солдат более старшего, чем они сами, возраста, что образует их активную психологическую и деятельную вовлеченность в происходящие события и нередко позволяет пережить время службы как наполненное делами и смыслом, получить признание и уважение со стороны сослуживцев и, как следствие, самоуважение.

При полярном варианте, который возникает в случае, если адаптация к условиям службы в зоне боевых действий не происходит должным образом, может отмечаться тенденция к избеганию и обесцениванию времени жизни за счет употребления алкоголя и наркотиков, пассивного поведения, дистанцирования от насущных совместных дел, попыток попасть в госпиталь из мест ведения боев, причем порой путем самоповреждающего поведения.

Выводы

1. Длительное пребывание в зоне боевых действий в качестве активного участника изменяет логику развития кризиса, приостанавливая или блокируя разворачивание переживаний в «сторону индивидуации»;
2. Приоритетной вновь становится потребность в идентификации с группой «своих», в качестве которой выступает «боевое братство», объединенное для решения боевых задач в условиях повышенной смертельной опасности;
3. Идентификация с группой позволяет удовлетворить потребность в самоуважении за счет следования правилам, нормам и традициям, принятым, выработанным и одобренным мужским сообществом на протяжении нескольких поколений;
4. Содержание психологической помощи участникам боевых действий, возвратившимся к мирной жизни, предполагает наряду с первичными ожидаемыми запросами, связанными с проблемами реадaptации, актуализацию проблематики, связанной с восстановлением переживаний мужчинами кризиса среднего возраста.

Ссылки

1. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: ACADEMIA, 2000. 182 с.
2. Манукян В. Р. К вопросу о кризисе середины жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 94-102. EDN KVNЛNB
3. Юнг К. Г. Стадии жизни. М.: Когито-Центр, 2008. 352 с.
4. Ланговой В. Е. Боевая травма сегодня - семинар с Ланговым. М.: Gaverdovskaya Studio, 2024. 42 с.
5. Решетников М. М. Психология войны. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. М.: Юрайт, 2018. 335с. EDN ZTFLAJ
6. Жедунова Л. Г. Личностный кризис: феномены ритма и времени // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 50-55. EDN KVNMYT
7. Караяни А. Г. Военная психология. М.: Юрайт, 2023. 593 с. DOI 10.25629/RMPJ.2023.01.01
8. Караяни А. Г. Настольная книга военного психолога. М.: Юрайт, 2023. 145 с.
9. Никишина В. Б., Петраш Е. А., Юнина-Пакулова Н. Ю. Структурная организация событийного пространства временной перспективы участников боевых действий // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 161-173. DOI 10.17759/psylaw.2024140313